

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 25.06.2021
Принята к публикации: 14.10.2021

Сергей Александрович ЛОБАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Ольга Сергеевна РОСТУНОВА

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность темы исследования определяется особой социально-экономической и международной значимостью энергетики, технической сложностью энергетических объектов и одновременно их повышенной уязвимостью, потенциальной опасностью для окружающей среды, а также потребностью обеспечить при помощи международного и национального уголовного права безопасность энергетической деятельности в ее разнообразных проявлениях. Несмотря на то, что в науке международного права взаимосвязи международного и национального уголовного права уделяется значительное внимание, специальные комплексные исследования этой взаимосвязи в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности отсутствуют. В свою очередь категория «безопасность энергетической деятельности» в отличие от внешне схожей и органично связанной с ней (но не тождественной) категории «энергетическая безопасность» пока не получила комплексного (в т. ч. в рамках правовой науки) исследования, не легализована в праве.

Цель работы – предметно обозначить возможность и необходимость юридикации категории

«безопасность энергетической деятельности» и потенциал совершенствования национального права (в частности, национального уголовного законодательства) по обстоятельствам участия России в международных договорах, выполнения международно-правовых обязательств и повышения эффективности правового регулирования, защиты национальных интересов в энергетической сфере.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании работы проанализированы относящиеся к теме научные труды, международные договоры и документы международного права, акты национального законодательства государств. В исследовании использованы общенаучные и специальные методы познания, в т. ч. сравнительно-правовой и формально-юридический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В современных условиях существует потребность юридикации категории «безопасность энергетической деятельности», которой, в отличие от категории «энергетическая безопасность», пока не уделяется должного внимания, в т. ч. в правовых исследованиях. Безопасность энергетической деятельности

можно рассматривать с разных сторон, а ее правовое обеспечение включает широкий спектр мер и регуляторов, имеющих международно-правовую и национально-правовую природу. На практике взаимосвязь международно-правовых и национально-правовых регуляторов, их сочетание и состав в процессе обеспечения безопасности энергетической деятельности (применительно к отдельным энергетическим объектам, в частности, плавучим атомным электростанциям) могут принимать весьма сложные формы.

Противодействие актам незаконного вмешательства, посягающим на интересы безопасности энергетической деятельности, осуществляется во взаимосвязи международного уголовного права и национального уголовного права. Обозначена авторская позиция по вопросу о системной принадлежности международного уголовного права и его соотношении с национальным уголовным правом. Показано, что в многочисленных международных договорах и иных международных документах по вопросам охраны окружающей среды в связи с ведением энергетической деятельности за редким исключением отсутствует какое-либо упоминание об уголовно-правовых мерах противодействия соответствующим экологическим правонарушениям; соответственно, данный вопрос решается на уровне национального уголовного права государств. Специальными и наиболее разработанными с точки зрения обеспечения антикриминальной безопасности энергетической деятельности международно-правовыми документами являются Протоколы о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ (1988 г. и 2005 г.). Предметно обозначена необходимость имплементации международно-правовых положений в национальное уголовное законодательство. Выявлен законодательный пробел и обозначен потенциал совершенствования норм национального законодательства об уголовно-правовой охране магистральных трубопроводов с учетом положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Категория «безопасность энергетической деятельности» по своему содержанию не тождественна категории «энергетическая безопасность», при этом включает в

себя внутреннюю (с точки зрения безопасности объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации) и внешнюю (с точки зрения рисков и угроз со стороны самой энергетической деятельности для окружающей среды) стороны, а также ряд «срезов» (антикриминальная защищенность, промышленная и информационная безопасность, экологическая безопасность) с учетом характера соответствующих угроз.

Национальное уголовное законодательство в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности обладает значительным потенциалом совершенствования, с опорой на инструмент национально-правовой имплементации юридически обязательных для государства положений международных договоров. По факту участия России в Протоколе о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.), необходимо имплементировать положения данного международно-правового акта в УК РФ, тем самым выполнить международно-правовое обязательство государства и повысить эффективность уголовно-правовой охраны данных объектов ТЭК. Также следует привести нормы об уголовно-правовой охране подводных кабелей и трубопроводов в действующем УК РФ в соответствие с положением международного договора РФ – Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст.113 «Разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безопасность энергетической деятельности, правовое обеспечение, международное право, национальное право, международный договор, имплементация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лобанов С.А., Ростунова О.С. 2021. Взаимосвязь международного и национального уголовного права в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности. – Московский журнал международного права. №4. С. 108–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>**Sergey A. LOBANOV**

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow,
Russian Federation, 119454
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Olga S. ROSTUNOVA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow,
Russian Federation, 119454
olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154

INTERCONNECTIONS BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL CRIMINAL LAW RELEVANT TO ENERGY SECURITY

INTRODUCTION. *The relevance of the research topic is determined, firstly, by the special socio-economic and international importance of energy, the technical complexity of energy facilities and at the same time, their increased vulnerability, potential threat to the environment, and secondly, by the needs to ensure the safety of energy activities in its various forms with the help of international and national law. Despite the fact that in the science of international law considerable attention is paid to the problem of the relationship between international and national law, there are no special comprehensive studies on the problem of the relationship between international and national law in the field of ensuring the safety of energy activities. In turn, the category “energy security”, in contrast to the outwardly similar and organically related (but not identical) category “energy security”, has not yet received a comprehensive (including within the framework of legal science) research, is not legalized in law.*

The purpose of the work is to substantively identify the possibility and necessity of legalizing the category of “energy security” and the potential for improving national

law (in particular, national criminal legislation) on the circumstances of Russia's participation in international treaties, fulfilling international legal obligations and increasing the efficiency of legal regulation, protecting national interests in the energy sector.

MATERIALS AND METHODS. *Within this research international treaties and documents of the international law and national legislation of States are analyzed. As a research method, the general scientific and special methods of enquiry is used, including the comparative legal and the formal legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *In modern conditions, there is a need to legalize the category of “safety of energy activities”, which, in contrast to the “energy safety” category, has not yet received due attention, including in legal research. The safety of energy activities has various sections, and its legal support includes a wide range of measures and regulators of an international legal and national legal nature. In practice, the relationship between international legal and national legal regulators, their combination and composition in the process of ensuring the safety of energy activities (as applied to individual energy*

facilities, in particular, floating nuclear power plants) can take complex, combined forms. Counteraction to acts of unlawful interference that infringe on the interests of the safety of energy activities is carried out in the interconnection of international criminal law and national criminal law. The author's position on the question of the systemic affiliation of international criminal law and its relationship with national criminal law is indicated. It is shown that in numerous international treaties and other international documents on environmental protection in connection with the conduct of energy activities, with rare exceptions, there is no mention of criminal-legal measures to counter relevant environmental offenses; accordingly, this issue is resolved at the level of the national criminal law of states. The special and most developed international legal documents on the issues of ensuring the anti-criminal security of energy activities are the Protocols for the suppression of unlawful acts against the security of fixed platforms (1988 and 2005, respectively). The need for the implementation of international legal provisions into national criminal legislation is substantively indicated. A legislative gap was identified and the potential for improving the norms of national legislation on the criminal law protection of trunk pipelines was identified, taking into account the provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The main conclusions of the study are as follows. Firstly, the category "safety of energy activities" in its content is not identical to the category of "energy safety", while it includes internal (from the point of view of the safety of energy facilities, fuel and energy complex, people involved in the process of their operation) and external (from the point of view of in terms of risks and threats for the environment from the energy activity itself), as well as a number of "sections" (anti-criminal security, industrial and infor-*

mation security, environmental safety), taking into account the nature of the relevant threats.

Secondly, the national criminal legislation in the field of ensuring the safety of energy activities has significant potential for improvement, based on the instrument of national legal implementation of legally binding provisions of international treaties for the state. On the fact of Russia's participation in the Protocol for the suppression of unlawful acts against the safety of fixed platforms located on the continental shelf, 1988, it is necessary to implement the provisions of this international legal act in the Criminal Code of the Russian Federation, thereby fulfilling the international legal obligation of the state and increasing efficiency criminal law protection of these objects of the fuel and energy complex. It is also necessary to bring the norms on the criminal law protection of underwater cables and pipelines in the current Criminal Code of the Russian Federation in accordance with the provisions of the international treaty of the Russian Federation – the UN Convention on the Law of the Sea of 1982 (Article 113 "Breakage or damage of a submarine cable or pipeline").

KEYWORDS. *energy safety, legal support, international law, national law, international treaty, implementation*

FOR CITATION: Lobanov S.A., Rostunova O.S. Interconnections between International and National Criminal Law Relevant to Energy Security. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 108–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

В современных условиях назрела потребность юридизации категории «безопасность энергетической деятельности». Следует обратить внимание на то, что в важнейших программных политико-правовых документах предметно обозначена категория «энергетическая безопасность». Так, согласно новой Доктрине энергетической безопасности (утверждена Указом Президента РФ № 216 от 13 мая 2019 г.) под энергетической безопасностью понимается состояние защищенности экономики и

населения от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством РФ требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также экспортных контрактов и международных обязательств РФ. Такое понимание энергетической безопасности достаточно широко представлено и в специальной литературе [Козлов 2019:47–51; Романова 2017:6–14]. Современные исследователи вполне обоснованно указывают, что энергетическая безопасность может иметь внутренние и международные аспекты, при этом для разных стран это

понятие может различаться¹. В частности, в связи с особым значением для ЕС и США фактора непрерывности энергоснабжения из внешних источников [Селиверстов 2007:63–65] в американских и особенно европейских исследованиях при рассмотрении проблемы энергетической безопасности (в понимании *security of energy supply*) акцент традиционно смещается в сторону оценки внешних угроз, способных привести к перебоям в поставках энергоресурсов и значительному повышению цен на энергоносители, а также (это характерно для американских исследователей) на изучение возможности доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для развития государства [Kalicki, Goldwyn 2005:9–10]. Соответственно пути обеспечения энергетической безопасности рассматриваются через призму интересов внешней политики США и ЕС, в т. ч. их нормативно-правового и институционально-правового обеспечения, а также во взаимосвязи с развитием современных инновационных технологий и с выработанным на Западе пониманием влияния энергетики на изменение климата [Yergin 2011: 257–275; Leal-Arcas, Lesniewska, Proedrou 2017:143–148].

В целом, как не без оснований отмечают отечественные авторы, система правового обеспечения энергетической безопасности включает национально-правовые и международно-правовые инструменты и учитывает проблемы и вызовы экономического, социального, политического, технологического, экологического характера [Проблемы и задачи...2019: 9].

Как нам представляется, категория «безопасность энергетической деятельности» органично связана с категорией «энергетическая безопасность», однако они не тождественны. В обоснование такого понимания обратимся к политико-правовым программным документам. Согласно Энергетической стратегии России на период до 2035 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ № 1523-р от 9 июня 2020 г.) тремя главными характеристиками энергетической безопасности являются:

- способность ТЭК надежно обеспечивать экономически обоснованный внутренний и внешний спрос на энергоносители соответствующего качества и приемлемой стоимости;
- способность потребительского сектора экономики эффективно использовать

энергоресурсы, предотвращая тем самым нерациональные затраты общества на свое энергообеспечение, а следовательно и дефицит топливно-энергетического баланса;

- устойчивость энергетического сектора к внешним и внутренним экономическим, технологическим и природным угрозам, а также его способность минимизировать ущерб, вызванный проявлением различных дестабилизирующих факторов.

Иными словами, применительно к России энергетическая безопасность должна рассматриваться в контексте национальной безопасности (в качестве ее составной части и, по справедливому суждению отечественных исследователей, в ряду наиболее важных государственных приоритетов [Жаворонкова, Шпаковский 2019:194]) и определяться через состояние защищенности экономики и населения от различных угроз нормальному топливному и энергетическому снабжению потребителей, а также выполнению Россией международных обязательств и экспортных контрактов.

В литературе по международному праву выделены национальный, региональный и глобальный уровни энергетической безопасности, при этом, с опорой на документы энергетических саммитов, с учетом реалий развития энергетических рынков и международного сотрудничества в энергетической сфере обозначены целевые установки глобальной (международной) энергетической безопасности во взаимосвязи с интересами потребителей и производителей энергоресурсов, а также транзитных стран [Ковалев, Шилова 2008:61–62].

Применительно к безопасности энергетической деятельности акцент смещается в сторону защищенности от соответствующих угроз самих объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации. Кроме того, речь идет об осуществлении энергетической деятельности на приемлемом для окружающей среды уровне безопасности.

Полагаем, что безопасность энергетической деятельности правомерно рассматривать с разных сторон, а именно, внутренней (с точки зрения безопасности объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации, их защищенности от различных угроз криминального, в частности, террористического харак-

¹ Жизнин С.Э. *Основы энергетической дипломатии*. М.: МГИМО-Университет. 2017. С. 7.

тера, техногенного характера и др.) и внешней (с точки зрения рисков и угроз со стороны самой энергетической деятельности для окружающей среды, безопасности человека, непосредственно не вовлеченного в круг отношений, связанных с функционированием объектов энергетики, включая ТЭК).

Принимая во внимание характер угроз безопасности энергетической деятельности, а также угроз безопасности окружающей среде со стороны энергетической деятельности, мы с определенной долей обобщения можем выделить такие «срезы» безопасности и ее правового обеспечения, как:

- 1) антикриминальная (в т. ч. антитеррористическая) защищенность объектов энергетики (в частности топливно-энергетического комплекса);
- 2) промышленная безопасность объектов энергетики (в частности, объектов нефтегазового комплекса);
- 3) экологическая безопасность энергетических объектов.

При этом, во-первых, выделение указанных «срезов» не отрицает органичной взаимосвязи всего широкого спектра вопросов защищенности объектов рассматриваемой системы безопасности, а предполагает комплексный характер ее нормативно-правового и институционально-правового обеспечения. Во-вторых, правомерно говорить о специфике правового обеспечения энергетической безопасности применительно к конкретному государству (его национально-правовой системе); отрасли энергетики (наглядным примером может служить мирное использование атомной энергии, и, в частности, выявляемые современными отечественными и зарубежными исследователями особенности нормативно-правового обеспечения безопасности плавучих атомных электростанций [Лысенко, Беденко, Дальноки-Вересс 2019:59–67; Свириденко, Лепешкин 2019: 291–300; Ford, Abdulla, Granger 2017:1–21]); территориальному пространству или региону с учетом особенностей его правового режима, а также интенсивности энергетической деятельности (в частности, примером может служить Арктика, особенности недропользования в Арктическом регионе, рассмотренные в специальной литературе [Vinogradov, Azubuike 2018: 307–327; Мое 2020: 119–138; Лабин, Паничкин 2016:86–93]). В-третьих, в современных условиях стремительного и не всегда подконтрольного развития цифровых технологий возрастает

возможность их использования для совершения противоправных действий, посягающих на объекты энергетической инфраструктуры (critical energy infrastructure), поэтому самостоятельным компонентом обеспечения безопасности энергетической деятельности выступает информационная безопасность; ей уделяется внимание в отдельных современных исследованиях [Минзов, Невский, Баронов 2016:238–241; Rajavuori, Huhta 2020 253–367]. В целом безопасность энергетической деятельности представляет собой многомерное явление, которое нуждается в системном изучении с опорой на правовую составляющую.

2. Проблема правового обеспечения безопасности энергетической деятельности в контексте взаимосвязи международного и национального права

Согласно выработанному в правовой науке подходу сущность правового обеспечения в современных условиях состоит в реализации государством и обществом (в лице уполномоченных субъектов) заданных правом целей и задач при помощи специально-юридических и организационно-правовых средств [Арзамаскин 2016:47–51]. В свою очередь круг указанных субъектов, правовой инструментарий, содержание прав и обязанностей субъектов правоотношений, целевые установки конкретизируются применительно к сфере правового воздействия [Дудиков 2016:105–116], в данном случае – определяются необходимостью защитить объекты энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации, от угроз криминального, техногенного и иного характера, а также минимизировать риски и угрозы для окружающей среды.

Характеризуя правовое обеспечение безопасности энергетической деятельности, следует также иметь в виду органичную взаимосвязь международного и национального права, существование комплекса норм и институционально-правовых инструментов, имеющих, соответственно, международно-правовую и национально-правовую природу. Данная ситуация предопределена современными глобализационными и интеграционными процессами; координирующей ролью международного права и его целостностью [Вылегжанин, Потье 2017:7–18; Каламкарян, Мигачев 2015:62–70; Shaw 2017:67]; пересечением предметной сферы международно-правового и национально-правового регулирования; потребностями выработки унифи-

цированных подходов к решению с помощью правовых средств задач обеспечения безопасности энергетических объектов и окружающей среды во взаимосвязи с их функционированием.

Следует также учитывать, что энергетические объекты, в частности морские нефтегазовые установки, могут размещаться и функционировать в пространствах с международно-правовым (открытое море) и, что бывает чаще, в пространствах со смешанным режимом, сочетающим элементы международно-правового и национально-правового (континентальный шельф и исключительная экономическая зона). При этом энергетические объекты, обладая уязвимостью к внешнему физическому воздействию, подвергаясь различным угрозам и рискам [Абрамов 2019:134–144], одновременно представляют собой сложные промышленно опасные сооружения, способные причинить вред окружающей среде.

Очевидно, что основной массив правовых норм, регулирующих отношения в сфере обеспечения энергетической безопасности, сосредоточен в актах национального законодательства и адресован, в первую очередь, субъектам национального права: правоприменителю, органам и должностным лицам, обладающим полномочиями в сфере обеспечения энергетической безопасности, в определенной степени также субъектам, осуществляющим деятельность по эксплуатации энергетических объектов, в частности объектов топливно-энергетического комплекса. Применительно к Российской правовой системе можно указать на посвященные различным аспектам рассматриваемого явления федеральные законы, во-первых, определяющие правовой режим безопасности энергетической деятельности и энергетических объектов (в их числе «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «Об использовании атомной энергии»), и, во-вторых, устанавливающие положения об ответственности, предусматривающие меры государственного принуждения за правонарушения, посягающие на безопасность энергетической деятельности (Кодекс РФ об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РФ). Общие положения, ориентированные на обеспечение безопасности энергетической деятельности в связи с недропользованием, устанавливающие требования к государственным органам и хозяйствующим субъектам, содержит Закон РФ «О недрах» (в

частности, ст. 24). Отдельные положения об энергетической безопасности объектов, используемых для освоения минеральных ресурсов (в т. ч. морских нефтегазовых месторождений) помещены в законодательные акты, посвященные правовому режиму морских пространств, в пределах которых прибрежное государство осуществляет, с учетом обычных и договорных норм международного права, ряд суверенных прав (здесь имеются в виду положения федеральных законов «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» и «О континентальном шельфе Российской Федерации»). Кроме того, в данной сфере действуют многочисленные подзаконные нормативные правовые акты, конкретизирующие законодательные предписания (в частности, следует указать на Постановление Правительства РФ от 2 октября 2013 г. № 861 «Об утверждении Правил информирования субъектами топливно-энергетического комплекса об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства на объектах топливно-энергетического комплекса»).

С опорой на современную специальную литературу [Desarnaud 2017:37–48] и с учетом существующих реалий правомерно вести речь о том, что в зарубежных правовых системах обеспечение безопасности энергетической деятельности также осуществляется в первую очередь посредством установления в национальном праве правовых норм, направленных на поддержание защищенности различных энергетических объектов (в т. ч. расположенных в пространствах со смешанным правовым режимом), их реализации в повседневной деятельности полномочных субъектов, а также при помощи правовых средств пресечения нарушений действующих в рассматриваемой сфере правил, предупреждения и пресечения преступных посягательств, применения к нарушителям мер юридической ответственности.

Вместе с тем данная констатация не отрицает важной роли в рассматриваемой сфере международно-правовых регуляторов, в первую очередь, международных договоров. Очевидно, в современном мире охрана и защита потенциально опасных и одновременно социально и экономически значимых энергетических объектов (часть из которых, как уже отмечалось, расположена в пространствах с международно-правовым или смешанным правовым режимом) базируются на основных принципах и нормах международного права, положениях универсальных и региональ-

ных международных договоров и документах международных организаций (ООН, МАГАТЭ, ИМО и др.). Во многом под влиянием международно-правовых положений, во взаимосвязи с ними, в обеспечение вытекающих из них юридических обязательств государства формируют и развивают национальное законодательство и институционально-правовые инструменты. Так, в соответствии со ст. 60 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. прибрежное государство может (там, где это необходимо) устанавливать разумные зоны безопасности вокруг искусственных островов и иных стационарных конструкций, в пределах которых оно способно принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности навигации, а также на самих объектах. При этом, в соответствии с п. 2 ст. 60, п. 1 ст. 77 Конвенции ООН по морскому праву, принятыми с учетом норм международного права актами внутригосударственного права, прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией над расположенными на континентальном шельфе установками и сооружениями, в т. ч. в отношении законов и правил, касающихся безопасности [Ромашев 2015:89].

Следует обратить внимание на то, что международно-правовые положения, имплементированные в национальное законодательство, могут налагать обязательства в связи с принятием мер по обеспечению безопасности энергетической деятельности, в т. ч. на предпринимателей (примером может служить Конвенция МОТ от 22.06.1993 г. о предотвращении крупных промышленных аварий, в частности, положения ст. 9).

Заметим также, что на практике взаимосвязь международно-правовых и национально-правовых регуляторов, их сочетание и состав в процессе обеспечения безопасности энергетической деятельности (применительно к отдельным энергетическим объектам) могут принимать сложные, комбинированные формы. Наглядным примером служат плавучие атомные электростанции, особенности обеспечения безопасности которых определяются тем, что они подпадают одновременно под правовой режим использования атомной энергии и правовой режим торгового мореплавания. Это проявляется в необходимости подключения разнообразных

международно-правовых регуляторов (двусторонних межправительственных соглашений, договоренностей с МАГАТЭ о гарантиях ядерного нераспространения), кроме того, в значимости урегулирования правовых коллизий и гармонизации правовых предписаний.

Противодействие актам незаконного вмешательства, посягающим на безопасность энергетической деятельности, строится во взаимосвязи норм международного и национального уголовного права, на чем, принимая во внимание значимость антикриминальной (в т. ч. антитеррористической) защищенности энергетической деятельности, следует остановиться отдельно.

3. Роль международного уголовного права и его национально-правовой имплементации в обеспечении безопасности энергетической деятельности

Прежде всего заметим, что проблема определения природы международного уголовного права, его места в праве, как и сама постановка вопроса о сформировавшемся (в качестве отрасли международного права) международном уголовном праве сохраняет свой дискуссионный характер [Ляхов, Светличная, Евстратова 2018: 193–202; Kittichaisaree 2002: 3]². При этом позитивно оценивается роль международного уголовного права в противодействии наиболее опасным проявлениям международной преступности, включая акты международного терроризма [Wilt: 2019 315–331].

Не углубляясь здесь в дискуссию о природе международного уголовного права, с опорой на опыт ранее проведенного автором настоящей статьи международно-правового исследования [Лобанов 2017:117–131], обозначим свою позицию. Во-первых, как представляется, принимая во внимание наличие определенной значимой для международного сообщества области международно-правового регулирования, развитие в ней процесса кодификации, практику реализации соответствующих международно-правовых норм международными органами уголовной юстиции, правомерна постановка вопроса о том, что международное уголовное право в настоящее время представляет собой динамично формирующуюся отрасль современного международного

² См. также: Скуратова А.Ю., Синакин И.И. 2021. *Международное уголовное право: учебное пособие*. М.: Проспект. С. 9–12.

права, нормы и принципы которой регулируют сотрудничество государств в установлении оснований и форм международной уголовной ответственности физических лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера.

Во-вторых, международное уголовное право и национальное уголовное право в процессе выполняемых ими функций по охране международного правопорядка не сливаются в некий конгломерат, а сохраняют свою системную принадлежность. При этом международное уголовное право и национальное уголовное право в современных условиях глобализации и динамичного развития интеграционных процессов органично взаимосвязаны. В целом восприятие положений международного уголовного права определяет само государство – в зависимости от типа его правовой системы, действующих в нем конституционных положений, которые, в свою очередь, определяют основные правила включения норм международного права в правовую систему государства, а также его международно-правовых обязательств в связи с участием в международных договорах. Исходя из смысла ч. 1 ст. 1 УК РФ, для того чтобы любое международно-правовое предписание уголовно-правового характера об уголовной ответственности могло действовать в правовой системе РФ, оно должно быть включено непосредственно в текст УК РФ.

В настоящее время имеются многочисленные международные договоры и иные международные документы по вопросам охраны окружающей среды в связи с ведением энергетической деятельности, при этом в них за редким исключением отсутствует какое-либо упоминание об уголовно-правовых мерах противодействия соответствующим экологическим правонарушениям. Данный вопрос решается на уровне национального уголовного права государств, причем международные договоры подтверждают особую роль в этой части именно национального законодательства. В качестве наглядного примера приведем Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., ст. VII которой требует от договаривающихся сторон принятия на своей территории мер для наказания виновных в загрязнении моря.

Говоря об уголовно-правовой охране безопасности самой энергетической деятельности, можно указать на специальные международно-правовые нормы, содержащиеся в Протоколах о

борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ (1988 г. и 2005 г.). Здесь, очевидно, также особо значима деятельность государств по имплементации международно-правовых положений в национальное уголовное законодательство.

Россия подписала и ратифицировала Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.). Следует иметь в виду, что данный Протокол в ст. 2 довольно подробно очерчивает круг преступных действий террористического характера, посягающих на безопасность стационарных платформ. Наряду с определением перечня преступлений Протокол предусматривает юридические обязательства для государств-участников, направленные на имплементацию международно-правовых положений по борьбе с указанными преступлениями во внутригосударственном праве. В чем это выражается? В первую очередь, согласно п. 1 ст. 1 Протокола 1988 г. положения ст. 5 и 7 и ст. 10–16 Конвенции 1988 г. также применяются *mutatis mutandis* (от лат. «с соответствующими изменениями»), очевидно, с учетом объекта Протокола, к преступлениям, указанным в ст. 2 данного Протокола. Это, в частности, означает, что:

– каждое государство – участник Протокола предусматривает соответствующие наказания за рассматриваемые преступления с учетом тяжкого характера этих преступлений;

– любое государство – участник Протокола по обстоятельствам нахождения на его территории лица, предположительно совершившего такого рода преступление, в соответствии со своим законодательством принимает меры к возбуждению уголовного преследования, заключению лица под стражу или выдачи другому государству-участнику, установившему свою юрисдикцию в отношении рассматриваемых преступлений;

– рассматриваемые преступления подлежат включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче между государствами – участниками Протокола;

– государства – участники Протокола оказывают друг другу максимально возможную помощь в связи с уголовным преследованием, начатым в отношении рассматриваемых преступлений (включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для разбирательства), в соответствии с договорами о

взаимной правовой помощи или на основе принципа взаимности (в соответствии с национальным законодательством);

– для предотвращения рассматриваемых преступлений государства-участники сотрудничают посредством принятия всеобъемлющего комплекса практически осуществимых мер (включая обмен соответствующей информацией) в соответствии с их национальным законодательством.

Во-вторых, согласно ст. 3 Протокола государства-участники принимают меры, которые могут оказаться необходимыми для установления своей юрисдикции в отношении преступлений, указанных в ст. 2 Протокола, в частности в ситуациях совершения преступления против или на борту стационарной платформы либо гражданином данного государства.

В специальной литературе высказаны в целом обоснованные суждения о значимости международного сотрудничества в борьбе с актами пиратства и терроризма на море [Князева, Князева 2014:157–187]. Современные зарубежные исследователи также указывают, что «юридические последствия нападения на морскую нефтегазовую установку различаются в зависимости от того, где совершается нападение: в открытом море, в исключительной экономической зоне или в пределах суверенитета государства (в территориальном море или во внутренних водах государства)» [Geiss, Petrig 2011:222].

Вместе с тем нужно учитывать специфику континентального шельфа, на котором расположены стационарные платформы. Заметим, что согласно п. 2 ст. 60, п. 1 ст. 77 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также принятым в соответствии с нормами международного права актам внутригосударственного права, прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией над расположенными на континентальном шельфе установками и сооружениями, в т. ч. в отношении законов и правил, касающихся безопасности. С учетом положений п. 3 ст. 5 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе», ч. 2 ст. 11 УК РФ, на стационарных платформах, расположенных на континентальном шельфе России, действует в полном объеме национальный уголовный закон [Гриненко 2016:8–10].

Протокол 2005 г. к Протоколу 1988 г. предусматривает ряд новых положений, ориентированных на повышение эффективности механизма противодействия актам терроризма на море,

однако Россия (как и большинство государств) в нем не участвует.

По обстоятельствам ратификации Российской Федерацией Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.), следует вести речь о необходимости имплементации положений данного международно-правового акта в национальном уголовном законе. Последовательная реализация данного подхода соответствует международно-правовому принципу добросовестного выполнения обязательств по международному праву и повысит антикриминальную (в т. ч. антитеррористическую) защищенность стационарных платформ, а также создаст необходимую правовую основу для повышения эффективности противодействия конвенционным преступлениям, обеспечения неотвратимости уголовной ответственности по фактам их совершения. В свою очередь правоохранительные органы будут снабжены действенным уголовно-правовым инструментом борьбы с посягательствами на безопасность стационарных платформ, избавлены от необходимости прибегать к «вынужденной» (не вполне точной) квалификации такого рода противоправных деяний (как это имело место в ситуации привлечения к уголовной ответственности активистов неправительственной организации Greenpeace по факту их противоправной акции в отношении стационарной платформы «Приразломная», получившей широкое освещение в специальной отечественной и зарубежной литературе [Захарова 2015:82–86; Чернядьева 2017:104–111; Mossop 2016:60–87; Noto 2016:36–56; Oude Elferink 2016:382–406]).

В обоснование необходимости разработки и введения в уголовный закон специальной нормы об уголовно-правовой охране стационарных платформ укажем еще на два юридически значимых обстоятельства. Во-первых, с точки зрения международного и внутригосударственного права правовой статус стационарных платформ остается не вполне определенным. При этом согласно научному подходу, основанному на анализе международно-правовых и национально-правовых источников, стационарные платформы, зафиксированные на дне водоема (морского или иного) для использования по целевому назначению, уже не соответствуют правовым критериям понятия судна [Гаврилина 2017:14–18]. Во-вторых, стационарные платформы пред-

ставляют собой сложные, наукоемкие объекты, подверженные техногенному и экологическому риску [Ямщиков 2013:54–57]. Заметим также, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран (США, Швеция) имеются специальные нормы, предусматривающие уголовно-правовую охрану стационарных платформ от преступлений террористической направленности³. Кроме того, как показывает отраженная в литературе практика правового реагирования на факты правонарушений, посягающих на безопасность стационарных платформ, указанные правонарушения охватывают не только террористические, но и иные противоправные деяния [Кашубский 2014:5–14].

В целом в обозначенной сфере имеется значительный потенциал международного и национального уголовного права. Так, по всей видимости, правомерно ставить вопрос о совершенствовании норм международного права и национального законодательства об уголовно-правовой охране магистральных трубопроводов. Поясним, что имеется в виду. В действующем УК РФ есть ст. 215.3 «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность», при этом по смыслу уголовно-правовых предписаний уголовная ответственность наступает при наличии умысла, а по ч. 3 (где речь идет о разрушении нефте- или газопровода) – при наличии у виновного корыстных или хулиганских побуждений; ч. 4 данной статьи распространяет уголовно-правовую охрану также и на магистральные трубопроводы. Между тем в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 113 «Разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода») положения об уголовно-правовой охране данного инфраструктурного объекта сформулированы концептуально по-другому.

Заметим, что ранее в УК РФ была предусмотрена ст. 269 «Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов», но с 21 октября 2018 г. она была признана утратившей силу. На-

лицо законодательный пробел, требующий восполнения с учетом соблюдения международно-правовых обязательств государства.

4. Заключение

В современных условиях назрела потребность юридикации категории «безопасность энергетической деятельности». При этом правомерна постановка вопроса о выделении внутренней (с точки зрения безопасности объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации) и внешней (с точки зрения рисков и угроз со стороны самой энергетической деятельности для окружающей среды) безопасности энергетической деятельности. Характер угроз безопасности энергетической деятельности, а также угроз безопасности окружающей среде со стороны энергетической деятельности позволяет выделить ряд «срезов» рассматриваемого феномена (антикриминальная защищенность, промышленная и информационная безопасность, экологическая безопасность). На практике правовое обеспечение безопасности энергетической деятельности осуществляется посредством комплекса правовых норм и институционально-правовых инструментов, основная часть которых имеет национально-правовую природу. Вместе с тем принципиально важное значение в рассматриваемой сфере международно-правовых регуляторов, в первую очередь, международных договоров, предопределено особой координирующей ролью международного права, современными реалиями интеграционных процессов, а также фактором расположения ряда энергетических объектов в пространствах с международно-правовым и смешанным правовым режимом. Соответственно, и в обозначенной сфере под влиянием международно-правовых положений, во взаимосвязи с ними, в обеспечение вытекающих из них юридических обязательств государства формируют и развивают национальное законодательство и институционально-правовые инструменты.

³ Так, в США Закон о борьбе с терроризмом (Limiting and strengthening America by providing appropriate tholy require to intercept and obstruct terrorism), принятый в связи с реакцией на сентябрьские события 2001 г. и инкорпорированный в гл. 113В Федерального УК (разд. 18 СЗ), относит к преступлениям терроризма (при условии, что деяние преследует цель оказать давление на правительство, путем запугивания или угроз или в качестве мер воздействия), в частности, насильственные действия в отношении морских стационарных платформ (ст. 2281). В УК Швеции предусмотрена ст. 5а, устанавливающая уголовную ответственность за захват или действия, угрожающие безопасности стационарной морской платформы, как за акт терроризма.

Взаимосвязь международно-правовых и национально-правовых регуляторов, их сочетание и состав в процессе обеспечения безопасности энергетической деятельности (применительно к отдельным энергетическим объектам, в частности плавучим атомным электростанциям) могут принимать сложные, комбинированные формы, что, в свою очередь, ставит перед международно-правовой наукой и практикой дополнительные задачи теоретического и прикладного характера. Противодействие актам незаконного вмешательства, посягающим на безопасность энергетической деятельности, строится во взаимосвязи норм международного и национального уголовного права, что предопределяет постановку вопроса о характере указанной взаимосвязи и потенциале совершенствования национального уголовного законодательства в рассматриваемой сфере. Международное уголовное право и национальное уголовное право в процессе выполняемых ими функций по охране правопорядка и, в частности, при обеспечении безопасности энергетической деятельности не сливаются в некий конгломерат, а сохраняют свою системную принадлежность, при этом взаимосвязь нормативных положений и правоприменительных

органов наиболее адекватно отображает термин «взаимодействие».

Национальное уголовное законодательство в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности, опираясь на инструмент национально-правовой имплементации юридически обязательных для государства положений международных договоров, обладает значительным потенциалом совершенствования.

По факту участия России в Протоколе о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.), необходимо имплементировать положения данного международно-правового акта в УК РФ, тем самым выполнить международно-правовое обязательство государства и повысить эффективность уголовно-правовой охраны данных объектов ТЭК.

Следует привести нормы об уголовно-правовой охране подводных кабелей и трубопроводов в действующем УК РФ в соответствии с положением международного договора РФ – Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 113 «Разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода»).

Список литературы

1. Абрамов Н.С. 2019. Международно-правовое обеспечение безопасности морских нефтегазовых установок в пределах исключительной экономической зоны и континентального шельфа. – *Актуальные проблемы российского права*. № 12. С. 134–144. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.134-144
2. Арзамаскин А.Н. 2016. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы. – *Наука и школа*. № 6. С. 47–51.
3. Вылегжанин А.Н., Потье Т. 2017. Представление профессором Шоу международного права: теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-7-18>
4. Гаврилина Е.А. 2017. Правовой режим морской стационарной платформы для добычи нефти и газа на морских месторождениях. – *Правовой энергетический форум*. № 2. С. 14–18. DOI: 10.18572/2312-4350-2017-2-14-18
5. Гриненко А.В. 2016. Особенности действия российского уголовно-процессуального закона в пространстве. – *Международное уголовное право и международная юстиция*. № 1. С. 8–10.
6. Дудиков М.В. 2016. Понятие и виды мер правового обеспечения публичных интересов при недропользовании. – *Lex Russica*. № 5. С. 105–116. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.105-116
7. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. 2019. Новая Доктрина энергетической безопасности России: вопросы стратегического планирования. – *Проблемы национальной стратегии*. № 4. С. 187–196.
8. Захарова Л.И. 2015. Решение по делу «Arctic Sunrise» об установлении предварительных мер, вынесенное Международным трибуналом по морскому праву (Королевство Нидерланды против Российской Федерации). – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 6. С. 82–86.
9. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. 2015. Международная нормативная система как институционно-правовая составляющая современного миропорядка. – *Государство и право*. № 6. С. 62–70.
10. Кашубский М.В. 2014. Могут ли пиратские действия быть совершены против морской нефтяной платформы. – *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. № 1. С. 5–14.
11. Князева Н.А., Князева Е.А. 2014. Применение норм международно-правового характера как один из способов противодействия морскому терроризму и пиратству. – *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. № 4. С. 175–187. DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).175-187
12. Ковалев А.А., Шилова Н.Л. 2008. Международно-правовые аспекты обеспечения энергетической безопасности. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 61–77.
13. Козлов С.В. 2019. Энергетическая безопасность: российский и европейский правовые подходы. –

- Правовой энергетический форум*. № 1. С. 47–51. DOI: 10.18572/2312-4350-2019-1-46-51
14. Лабин Д.К., Паничкин И.В. 2016. Правовые перспективы развития сотрудничества арктических государств в области разработки морских нефтегазовых ресурсов Арктики. – *Московский журнал международного права*. №3. С. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-86-94>
 15. Лобанов С.А. 2017. *Уголовная ответственность за военные преступления: теоретические вопросы международно-правового исследования*. М.: Юрайт. 371 с.
 16. Лысенко М.Н., Беденко В.М., Дальноки-Вересс Ф. 2019. Международно-правовое регулирование плавучих атомных электростанций: проблемы и перспективы. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-59-67>
 17. Ляхов Е.Г., Светличная Д.В., Евстратова С.Б. 2018. Правовая доктрина о проблеме формирования международного уголовного права. – *Публичное и частное право*. № 1. С. 193–202.
 18. Минзов А.С., Невский А.Ю., Баронов О.Ю. 2016. Проблемы обеспечения информационной безопасности ТЭК от киберугроз. – *Информационные технологии в науке, образовании и управлении. Материалы XLIV международной конференции и XIV международной конференции молодых ученых IT +S&E'16*. Под ред. Е.Л. Глоризонова. М.: Институт новых информационных технологий. С. 238–241.
 19. *Проблемы и задачи правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков: коллективная монография*. Под ред. В.В. Романовой. 2019. М.: Юрист. 264 с.
 20. Романова В.В. 2017. Проблемные аспекты и задачи правового обеспечения энергетической безопасности. – *Правовой энергетический форум*. № 3. С. 6-14. DOI: 10.18572/2312-4350-2017-3-6-14
 21. Ромашев Ю.С. 2015. Особенности установления и осуществления государствами своей юрисдикции в правоохранительной сфере. – *Государство и право*. № 5. С. 82–91.
 22. Свириденко И.И., Лепешкин А.А. 2019. Особенности нормативного регулирования безопасности плавучих энергоблоков с ядерными энергетическими установками. – *Актуальные вопросы проектирования, постройки и эксплуатации морских судов и сооружений. Труды региональной научно-практической конференции*. Научный редактор В.И. Истомина. Севастополь: Севастопольский государственный университет. С. 291–300.
 23. Селиверстов С.С. 2007. *Энергетическая безопасность Европейского Союза (международно-правовые аспекты)*. М.: Издательский дом «Финансовый контроль». 208 с.
 24. Чернядьева Н.А. 2017. О необходимости имплементации антитеррористических международно-правовых правил в российский уголовный закон. – *Уголовное право*. № 1. С. 104–111.
 25. Ямщиков Д. 2013. «Приразломная»: первый опыт нефтедобычи на арктическом шельфе. – *Безопасность объектов ТЭК*. № 2. С. 54–57.
 26. Desarnaud G. 2017. *Cyber Attacks and Energy Infrastructure: Anticipating Risks*. Paris: IFRI Center for Energy. 60 p.
 27. Ford M.J., Abdulla A., Granger M.M. 2017. Evaluating the Cost, Safety, and Proliferation Risks of Small Floating Nuclear Reactors. – *Risk Analysis*. Vol. 37. No. 11. P. 1-21. DOI:10.1111/risa.12756
 28. Geiss R., Petrig A. 2011. *Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden*. Oxford: Oxford University Press. 321 p.
 29. Kalicki J., Goldwyn D. 2005. Introduction: The Need to Integrate Energy and Foreign Policy. – *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*. Ed. by J Kalicki and D. Goldwyn. Washington, DC: Woodrow Wilson Press. P. 9-10.
 30. Kittichaisaree K. 2002. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 482 p.
 31. Leal-Arcas R., Lesniewska F., Proedrou F. 2017. Prosumers: New actors in EU energy security. – *Netherlands Yearbook of International Law*. Vol. 48. P. 140–169. DOI:10.1007/978-94-6265-243-9_5
 32. Moe A. 2020. Russia and the Development of Arctic Energy Resources in the Content of Domestic Policy and International Markets. – *The Arctic and World Order*. Ed. by K. Spohr, D. Hamilton and J. Moyer. Washington, DC: Brookings Institution Press. P. 119–142.
 33. Mossop J. 2016. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 31. Issue 1. P. 60–87. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-12341383>
 34. Noto M.C. 2016. The Arctic Sunrise Arbitration and Acts of Protest at Sea. – *Maritime Safety and Security Law Journal*. Issue 2. P. 36–56.
 35. Oude Elferink A.G. 2016. The Russian Federation and the Arctic Sunrise Case: Hot Pursuit and Other Issues under the LOSC. – *US Naval War College International Law Studies*. No. 92. P. 382–406.
 36. Rajavuori M., Huhta K. 2020. Digitalization of security in the energy sector: evolution of EU law and policy. – *The Journal of World Energy Law & Business*. Vol. 13. Issue 4. P. 353–367. DOI: <https://doi.org/10.1093/jwelb/jwaa030>
 37. Shaw M. 2017. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
 38. Vinogradov S., Azubuike S.I. 2018. Arctic Hydrocarbon Exploration & Production: Evaluating the Legal Regime for Offshore Accidental Pollution Liability. – *Arctic Yearbook*. Ed. by L. Heininen and H. Exner-Pirot. Akureyri: Northern Research Forum. P. 307–327.
 39. Wilt H. 2019. The Role of International Criminal Law in Responding to the Crime-Terror Nexus. – *European Journal of Criminology*. Vol. 16. Issue 3. P. 315–331. DOI:10.1177/1477370819828934
 40. Yergin D. 2011. *The QUEST. Energy, Security and the Remaking of the Modern World*. Washington, DC: Penguin Press. 804 p.

References

1. Abramov N.S. Mezhdunarodno-pravovoe obespechenie bezopasnosti morskikh neftegazovykh ustanovok v predelakh isklyuchitel'noi ekonomicheskoi zony i kontinental'nogo shel'fa [International Legal Security of Offshore Oil and Gas Installations within the Exclusive Economic Zone and the Continental Shelf]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2019. No. 12. P. 134–144. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.134-144
2. Arzamaskin A.N. Opredelenie ponyatiya "pravovoe obe-

- spechenie": postanovka problem [Definition of the Content "legal support": formulation of the problem]. – *Nauka i shkola*. 2016. No. 6. P. 47–51. (In Russ.)
3. Chernyadyeva N.A. O neobkhodimosti implementatsii antiterroristicheskikh mezhdunarodno-pravovykh pravil v rossiiskii ugolovnyi zakon [On Obligatory Implementation of Counter-terrorism International Legal Rules in the Russian Criminal Law]. – *Ugolovnoe pravo*. 2017. № 1. P. 104–111. (In Russ.)
 4. Desarnaud G. *Cyber Attacks and Energy Infrastructure: Anticipating Risks*. Paris: IFRI Center for Energy. 2017. 60 p.
 5. Dudikov M.V. Ponyatie i vidy mer pravovogo obespecheniya publichnykh interesov pri nedropol'zovanii [The Concept and the Types of Law Enforcement Measures of Public Interests]. – *Lex Russica*. 2016. No. 5. P. 105–116. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.105-116
 6. Ford M.J., Abdulla A., Granger M.M. Evaluating the Cost, Safety, and Proliferation Risks of Small Floating Nuclear Reactors. – *Risk Analysis*. 2017. Vol. 37. No. 11. P. 1-21. DOI:10/1111/risa.12756
 7. Gavrilina E.A. Pravovoi rezhim morskoi stacionarnoi platformy dlya dobychi nefi i gaza na morskikh mestorozhdeniyakh [Legal Status of an Offshore Fixed Platform for Offshore Oil and Gas Production]. – *Pravovoi energeticheskii forum*. 2017. No. 2. P. 14–18. (In Russ.). DOI: 10.18572/2312-4350-2017-2-14-18
 8. Geiss R., Petrig A. *Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 321 p.
 9. Grinenko A.V. Osobennosti deistviya rossiiskogo ugolovno-protsessual'nogo zakona v prostranstve [Features of Territorial Application of Russia's Criminal Procedure Law]. – *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2016. No. 1. P. 8–10. (In Russ.)
 10. Kalamkaryan R.A., Migachev Yu.I. Mezhdunarodnaya normativnaya sistema kak institutsionno-pravovaya sostavlyayushchaya sovremennogo miroporyadka [The International Regulatory System as Institutional-legal component of the Modern World Order]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2015. No. 6. P. 62–70. (In Russ.)
 11. Kalicki J., Goldwyn D. Introduction: The Need to Integrate Energy and Foreign Policy. – *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*. Ed. by J Kalicki and D. Goldwyn. Washington, DC: Woodrow Wilson Press. 2005. P. 9–10.
 12. Kashubskiy M.V. Mogut li piratskie deistviya byt' soversheny protiv morskoi neftyanoi platform [Whether Piratical Actions can be Committed against an Offshore Oil Platform]. – *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 2014. No. 1. P. 5–14. (In Russ.)
 13. Kittichaisaree K. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 2002. 482 p.
 14. Knyazeva N.A., Knyazeva E.A. Primenenie norm mezhdunarodno-pravovogo kharaktera kak odin iz sposobov protivodeistviya morskomu terrorizmu i piratstvu [The Application of International Legal Rules as a Way of Counteraction to Maritime Terrorism and Piracy]. – *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2014. No. 4. P. 175–187. (In Russ.). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).175-187
 15. Kovalev A.A., Shilova N.L. Mezhdunarodno-pravovye aspekty obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti [International Legal Aspects of Energy Security]. – *Moscow Journal of International Law*. 2008. No. 3. P. 61–77. (In Russ.)
 16. Kozlov S.V. Energeticheskaya bezopasnost': rossiiskii i evropeiskii pravovoi podkhody [Energy Security: Russian and European legal approaches]. – *Pravovoi energeticheskii forum*. 2019. No. 1. P. 47–51. (In Russ.). DOI: 10.18572/2312-4350-2019-1-46-51
 17. Labin D.K., Panichkin I.V. Pravovye perspektivy razvitiya sotrudnichestva arkticheskikh gosudarstv v oblasti razrabotki morskikh neftegazovykh resursov Arktiki [Legal Perspectives for Cooperation of the Arctic States in the Development of Offshore Oil and Gas Resources in the Arctic]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 3. P. 86–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-86-94>
 18. Leal-Arcas R., Lesniewska F., Proedrou F. Prosumers: New actors in EU energy security. – *Netherlands Yearbook of International Law*. 2017. Vol. 48. P. 140–169. DOI:10.1007/978-94-6265-243-9_5
 19. Lobanov S.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za voennye prestupleniya: teoreticheskie voprosy mezhdunarodno-pravovogo issledovaniya* [Criminal Responsibility For War Crimes: theoretical issues of international legal research]. Moscow: Yurait Publ. 2017. 371 p. (In Russ.)
 20. Lyakhov E.G., Svetlichnaya D.V., Evstratova S.B. Pravovaya doktrina o probleme formirovaniya mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Legal Doctrine on the Problem of the International Criminal Law Formation]. – *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2018. No. 1. P. 193–202. (In Russ.)
 21. Lysenko M., Bedenko V., Dalnoki-Veress F. Legal Regulations of Floating Nuclear Power Plants: problems and prospects. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 3. P. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-59-67>
 22. Minzov A.S., Nevskiy A.Yu., Baronov O.Yu. Problemy obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti TEK ot kiberugroz [Problems of Ensuring the Information Security of the Fuel and Energy Complex from Cyber Threats]. – *Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii. Materialy XLIV mezhdunarodnoi konferentsii i XIV mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh IT +S&E' 16*. Pod red. E.L. Glorizova [Information Technology in Science, Education and Management. Materials of the XLIV International Conference and the XIV International Conference of Young Scientists IT + S & E' 16. Ed. by E.L. Glorizov]. Moscow: Institut novykh informatsionnykh tekhnologii Publ. 2016. P. 238–241. (In Russ.)
 23. Moe A. Russia and the Development of Arctic Energy Resources in the Content of Domestic Policy and International Markets. – *The Arctic and World Order*. Ed. by K. Spohr, D. Hamilton and J. Moyer. Washington, DC: Brookings Institution Press. 2020. P. 119–142.
 24. Mossop J. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2016. Vol. 31. Issue 1. P. 60–87. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-12341383>
 25. Noto M.C. The Arctic Sunrise Arbitration and Acts of Protest at Sea. – *Maritime Safety and Security Law Journal*. 2016. Issue 2. P. 36–56.
 26. Oude Elferink A.G. The Russian Federation and the Arctic Sunrise Case: Hot Pursuit and Other Issues under the LOSC. – *US Naval War College International Law Studies*. 2016. No. 92. P. 382–406.
 27. *Problemy i zadachi pravovogo obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti i zashchity prav uchastnikov energeticheskikh rynkov: kollektivnaya monografiya*. Pod red. V.V. Romanovoi [Problems and Tasks of Legal Support of Energy Security and Protection of the Rights of Par-

- participants in Energy Markets: a collective monograph. Ed. by V.V. Romanova]. Moscow: Yurist Publ. 2019. 264 p. (In Russ.)
28. Rajavuori M., Huhta K. Digitalization of security in the energy sector: evolution of EU law and policy. – *The Journal of World Energy Law & Business*. 2020. Vol. 13. Issue 4. P. 353–367. DOI: <https://doi.org/10.1093/jwelb/jwaa030>
 29. Romanova V.V. Problemnye aspekty i zadachi pravovogo obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti [Problematic Issues and Tasks of Legal Regulation of Energy Security]. – *Pravovoi energeticheskii forum*. 2017. No. 3. P. 6–14. (In Russ.). DOI: 10.18572/2312-4350-2017-3-6-14
 30. Romashev Yu.S. Osobennosti ustanovleniya i osushchestvleniya gosudarstvami svoei yurisdiksi v pravookhranitel'noi sfere [Features of the Establishment and the Implementation by States of its Jurisdiction in Law Enforcement]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2015. No. 5. P. 82–91. (In Russ.)
 31. Seliverstov S.S. *Energeticheskaya bezopasnost' Evropeiskogo Soyuz (mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [Energy Security of the European Union (international legal aspects)]. Moscow: Izdatel'skii dom "Finansovyi kontrol" Publ. 2007. 208 p. (In Russ.)
 32. Shaw M. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
 33. Sviridenko I.I., Lepeshkin A.A. Osobennosti normativnogo regulirovaniya bezopasnosti plavuchikh energoblokov s yadernymi energeticheskimi ustanovkami [Features of Regulation of the Safety of Floating Power Units with Nuclear Power Plants]. – *Aktual'nye voprosy proektirovaniya, postroyki i ekspluatatsii morskikh sudov i sooruzhenii. Trudy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Nauchnyi redaktor V.I. Istomin [Current Issues of Design, Construction and Operation of Marine Vessels and Structures. Materials of the Regional Scientific Conference. Ed. by V.I. Istomin]. Sevastopol': Sevastopol'skii gosudarstvennyi universitet Publ. 2019. P. 291–300. (In Russ.)
 34. Vinogradov S., Azubuike S.I. Arctic Hydrocarbon Exploration & Production: Evaluating the Legal Regime for Offshore Accidental Pollution Liability. – *Arctic Yearbook*. Ed. by L. Heininen and H. Exner-Pirot. Akureyri: Northern Research Forum. 2018. P. 307–327.
 35. Vylegzhanin A.N., Potier T. Predstavlenie professorom Shou mezhdunarodnogo prava: teoreticheskie voprosy [Shaw's Interpretation of International Law: Theoretical Reflection]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No.4.P.7–18. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-7-18>
 36. Wilt H. The Role of International Criminal Law in Responding to the Crime-Terror Nexus. – *European Journal of Criminology*. 2019. Vol. 16. Issue 3. P. 315–331. DOI: [10.1177/1477370819828934](https://doi.org/10.1177/1477370819828934)
 37. Yamshchikov D. 2013. "Prirazlomnaya": pervyi opyt nefte dobychi na arkticheskom shel'fe ["Prirazlomnaya": first experience in oil extraction in the Arctic she]. – *Bezopasnost' ob'ektov TEK*. 2013. No. 2. P. 54–57. (In Russ.)
 38. Yergin D. *The QUEST. Energy, Security and the Remaking of the Modern World*. Washington, DC: Penguin Press. 2011. 804 p.
 39. Zakharova L.I. Reshenie po delu "Arctic Sunrise" ob ustanovlenii predvaritel'nykh mer, vnesennoe Mezhdunarodnym tribunalom po morskomu pravu (Korolevstvo Niderlandy protiv Rossiiskoi Federatsii) [The Decision in the Arctic Sunrise Case on the Establishment of Preliminary Measures issued by the International Tribunal for the Law of the Sea (the Kingdom of the Netherlands v. the Russian Federation)]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2015. No. 6. P. 82–86. (In Russ.)
 40. Zhavoronkova N.G., Shpakovskiy Yu.G. Novaya Doktrina energeticheskoi bezopasnosti Rossii: voprosy strategicheskogo planirovaniya [The New Doctrine of Russia's Energy Security: issues of strategic planning]. – *Problemy natsional'noi strategii*. 2019. No. 4. P. 187–196. (In Russ.)

Информация об авторах**About the Authors****Сергей Александрович Лобанов,**

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового регулирования ТЭК, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, Проспект Вернадского, д. 76

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Ольга Сергеевна Ростунова,

кандидат юридических наук Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, Проспект Вернадского, д. 76

olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154

Sergey A. Lobanov,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Olga Sergeevna Rostunova

Cand. Sci. (Law), Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154